

АТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

В противоречивом взгляде на Наталью Николаевну есть какая-то удивительная тайна! Попробуем, благосклонный читатель, вместе разгадать ее. Подсказка, кажется, в словах самой Пушкиной: «Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца», дочь Натальи Николаевны Александра Арапова подтверждает в своих воспоминаниях ту же мысль: «Она была христианка в полном смысле этого слова. Грубые нападки, язвительные уколы уязвляли неповинное сердце, но горький протест или ропот возмущения никогда не срывался с ее уст».

Сама Наталья Николаевна не оставила ни дневников, ни воспоминаний. Не найдены ее письма к Пушкину. От природы она была молчалива и весьма сдержанна в проявлении своих чувств. Ее сдержанность поощрял и муж. При этом правильные выводы о ее уме и характере сделать было непросто. Действительно, кто из современников, встречаясь с модной, признанной красавицей двух столиц Натали, заглядывал в глубину ее души? Кто, вспоминая о ней, по достоинству оценил то величайшее терпение и смирение, с которыми она принимала все удары судьбы, начиная с самого младенчества? Только Бог и немногие избранные, к которым несомненно принадлежал Пушкин. Он писал жене: «...а душу твою люблю больше твоего лица». Серьезное признание, однако исследователи вновь и вновь позволяли себе не соглашаться с поэтом, полагая очевидно, что душа Натальи Николаевны — плод поэтического воображения Пушкина. Более понятной и привлекательной для изучения всегда считалась первая часть знаменитой его фразы: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом

АТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

и стал заботиться лишь о том, как пышнее обставить свою жизнь, как придумать новую неизведанную забаву. Сокровища, накопленные до него, казались неистощимыми. Гончаровская охота славилась чуть не на всю Россию, а оркестр из крепостных, обученный выписными маэстро, мог бы занять почетное место в столице...

Дом в Полотняном Заводе, построенный без особых архитектурных затей, размерами напоминал настоящий дворец. Афанасий Николаевич еще надстроил его, богато и на широкую ногу отделал внутри. Из описи обстановки того «богатого периода» гончаровской жизни ясно: владельцы ни в чем себе не отказывали. В комнатах стояла мебель, отделанная бронзой и инкрустацией, висели люстры фарфоровые и из венецианского стекла, дорогие сервизы и фамильное серебро с инициалами Афанасия Николаевича были подаваемы к столу хозяев и гостей.

Парк вокруг дворца был разбит на аристократический лад: гроты, беседки, статуи украшали его тенистые аллеи. В оранжереях выращивали заморские фрукты: ананасы на пирах были свои, не привозные. При конном заводе, где выводили породистых лошадей, при Афанасии Николаевиче был построен огромный великолепный, прямо-таки царский манеж, в котором устраивались конно-спортивные праздники. Толпы гостей съезжались на показы выездки лошадей, выдрессированных берейторами, которых приглашали из-за границы.

Пиршества и празднества, продолжавшиеся иногда по месяцу и более, следовали один за другим. В доме управлялись до трехсот слуг и другой челяди. Зимой Гончаровы жили в Москве в собственном доме и вели такой же безрассудный образ жизни.

АТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

любви. Брак их, суливший столько счастья, был скоро заключен к радости обеих семей. Но об этом «счастье» речь впереди.

Баронесса Ульрика Поссе

Загряжские очень гордились как знатностью своего происхождения, так и влиянием при дворе. Дед Натальи Ивановны, Александр Артемьевич Загряжский, был женат на внучке последнего независимого гетмана Малороссии. При присоединении этого края к России царь Алексей Михайлович дал на прокормление знаменитому вождю запорожцев обширную волость под Москвой — село Ярополец Волоколамского уезда.

Дядя Натальи Ивановны, утонченный вельможа екатерининских времен, красавец, был женат на Наталье Кирилловне Разумовской, дочери гетмана. В начале XIX века она была известна всему великосветскому Петербургу оригинальностью своего ума и непреклонностью воли. Наталья Кирилловна была настоящим кладом ценных исторических воспоминаний, из которого не уставал черпать Пушкин, породнившись с ней через Наталью Николаевну.

Несчастное происхождение Натальи Ивановны содержало зародыш тех страданий, которые принесла ей замужняя жизнь.

Отец ее Иван Загряжский, молодой блестящий офицер, служил в гвардии и среди распущенного общества был герой, отличаясь необузданными выходками, которые сходили ему с рук. Во избежание больших зол его женили на баронессе Строгановой — в надежде, что ее крупное состояние

АТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

в Петербург, молодая баронесса не смогла решиться на вечную разлуку и сдалась на милость победителя. Милость его была горше смерти. Баронесса бежала из своего дома, от отца. Подкупленный священник обвенчал ее в скромном православном храме с чужим мужем.

Навсегда покинув Дерпт после рокового шага, новобрачная написала отцу, умоляя его о прощении, описывая всю силу их обоюдной любви и терзания, причиненные ей его, отца, непреклонным решением. Барон даже не ответил на эту мольбу, а через приближенного уведомил, что баронесса Липгардт умерла для него и всей его родни, и потому дальнейшие извещения об опозоренной авантюристке будут совершенно излишни.

Барон Липгардт свое слово сдержал: отношения были прерваны раз и навсегда. Характерно в этом смысле письмо Натальи Николаевны своему второму мужу П.П. Ланскому от 29 июня 1819 года: «...В своем письме ты говоришь о некоем Любхарде и не подозревая, что это мой дядя. Его отец должен был быть братом моей бабки — баронессы Поссе, урожденной Любхард. Если встретишь где-нибудь по дороге фамилию Левис, напиши мне об этом потому, что это отпрыски сестры моей матери. В общем, ты и шагу не можешь сделать в Лифляндии, не встретив моих благородных родичей, которые не хотят нас признавать из-за бесчестья, какое им принесла моя бедная бабушка. Я все же хотела бы знать, жива ли тетушка Жаннет Левис, я знаю, что у нее была большая семья. Может быть, случай представит тебе возможность с ними познакомиться».

«Тетушка Жаннет Левис» — это та самая дочь баронессы Ульрики Поссе от первого брака, кото-

АТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

чистоту души соперницы и измерить глубину горя, сломившего ее молодую жизнь. Грех мужа обнаружился перед законной женой во всей своей неприглядности, и она решила загладить его по мере сил. Почти вдвое старше обманутой женщины, она окружила ее поистине материнской лаской, и только благодаря ее постоянному уходу Ульрика могла выдержать тяжелую болезнь, вызванную роковым ударом. Через несколько месяцев она родила дочь, названную Натальей.

Пережитое горе в чуждой стране подкосило здоровье баронессы Поссе, в тридцать лет красавица умерла.

О ее красоте в семейных преданиях существует необычное свидетельство. Однажды случился пожар в Зимнем дворце. Вызванным войскам было поручено спасти только самые ценные вещи из горевших апартаментов. Один офицер, проникший в комнаты фрейлины Екатерины Ивановны Загрязской (сестры Натальи Ивановны), был поражен стоявшей в комнате миниатюрой, изображавшей обаятельную женскую головку в напудренном парике. В дворцовой конторе при сдаче вещей выразили удивление, почему именно этот «маленький ничтожный предмет» спас офицер.

— Да взглянитесь хорошенько! — воскликнул тот. — И вы поймете тогда, что я не мог оставить изображенную такой редкой красавицы в добычу огню.

Впоследствии эта миниатюра, изображавшая баронессу Поссе, перешла к Наталье Ивановне, а потом пропала. Помнившие живую Ульрику говорили Наталье Ивановне, что хотя она, дочь, и очень хороша собою, но сравниться с матерью не может. Эту необыкновенную красоту унаследовала внучка

